

Бернгард Бринк

Шекспир, как комический и трагический писатель

Бернгард Бринк

**Шекспир, как комический
и трагический писатель**

«Public Domain»

1892

Бринк Б. Т.

Шекспир, как комический и трагический писатель /
Б. Т. Бринк — «Public Domain», 1892

«Когда в наше время заходит речь о любимцах комической музыки, то каждому тотчас же приходит на ум Мольер; имя Шекспира в этом случае не вспоминается так непосредственно даже его знатоками и почитателями. Отчего это? Правы, стало быть, утверждающие, что комическая сила Шекспира ниже той, которою наделен великий французский поэт? Но как может удержаться такое мнение в виду противоречащих ему очевидных фактов? Позвольте мне напомнить эти факты...»

Содержание

Шекспир, как комический писатель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Бернгард Бринк

Шекспир, как комический и трагический писатель

Шекспир, как комический писатель

Когда в наше время заходит речь о любимцах комической музыки, то каждому тотчас же приходит на ум Мольер; имя Шекспира в этом случае не вспоминается так непосредственно даже его знатоками и почитателями. Отчего это? Правы, стало быть, утверждающие, что комическая сила Шекспира ниже той, которою наделен великий французский поэт? Но как может удержаться такое мнение в виду противоречащих ему очевидных фактов? Позвольте мне напомнить эти факты.

Если мы перечислим те различные свойства, которые необходимы для комического писателя, и спросим, были ли они у Шекспира, то найдем, что он обладал ими в равной степени с Мольером, или, пожалуй, даже больше его. Где вы отыщете более глубокого знатока человеческого сердца в его страстях, заблуждениях, пороках? Более тонкого наблюдателя всякого рода своеобразности, имеет ли она свои корни в сокровеннейшей глубине души, или есть только внешнее явление? Где в новое время укажете вы поэта, который таким зорким взглядом усматривал бы смешное и такую верною рукою изображал бы его? У какого драматурга найдем мы большее изобилие истинно комических образов – образов, одного появления которых уже достаточно, чтобы вызвать в нас самое веселое настроение, речи и поступки которых неодолимо заставляют нас хохотать? А если говорить об остроумии и юморе, то кто же может отрицать, что остроумие Шекспира – хотя в нем и гораздо больше устарелого, чем в Мольеровском, рассчитанном на более тонкий вкус и строгую логику, – так богато, что даже по вычете из него всего легковесного и дешевого, останется еще достаточно для того, чтобы поспорить с Мольером? Что же касается юмора Шекспира, то глубиною и блеском он далеко превосходит Мольеровский. Точно также в искусстве создавать положения, производящие высоко-комическое действие, Шекспир не уступает никакому другому драматургу. Припомним только ту сцену в комедии «Бесплодные усилия любви», где члены Наваррской академии, которые все клятвенно отреклись от любви к женщинам и все нарушили клятву, затем подвергаются один вслед за другим разоблачению, и наконец каждый из них к стыду своему, и вместе с тем к своему утешению, узнает, что ни он других, ни другие его ни в чем упрекнуть не могут. Сцена эта так превосходно подготовлена и при таких простых средствах достигает такого эффекта, что смело может выдержать сравнение со всякою подобною сценою у Мольера, напр., тою, которая вызывает катастрофу в «Мизантропе». Только в одном английский поэт, по-видимому, решительно ниже французского – в твердом направлении хода комического действия, в удержании строгого единства при постройке комедии. Но если принять во внимание, что именно эти достоинства, иногда отсутствующие в комедиях Шекспира, он проявляет в самой высокой степени в своих трагедиях, то должно показаться совершенно невероятным, чтобы тут причиною было бессилие автора. Совершенно несостоятельным, даже нелепым становится это предположение, когда мы вспомним, что самые ранние комедии Шекспира гораздо правильнее и стройнее, даже во многих отношениях эффектнее, как комические пьесы, чем те, которые написаны в самую зрелую пору его деятельности.

До крайности запутанное действие в «Комедии Ошибок» ведено уже с таким знанием сценической техники, что напряжение интереса усиливается с каждой сценой и разрешается только в окончательной катастрофе. Ни в одной французской комедии интрига не постро-

ена ток эффектно в смысле производимого действия, как в этом первом произведении Шекспира. Вполне соответствует требованиям сценического искусства и развитие действия в «Бесплодных усилиях любви», и именно в первых четырех действиях, так как в пятом замечается уже некоторое ослабление интереса. В «Укрощении строптивой», где Шекспир следует стилю одного из предшествующих писателей и собственно ограничивается только тем, что придает главной сущности пьесы новую форму, эта главная сущность так мощно выступает на первый план и с такою последовательностью развивается из характеров действующих лиц, производя неодолимое действие, что благодаря этой причине комедия эта, уже и в Шекспировское время во многих отношениях устаревшая, является еще в наши дни одною из притягательных пьес репертуара. Из комедий, относящихся к самой зрелой поре творчества Шекспира, самую правильной постройкой отличаются «Веселые Виндзорские женщины»; но именно в тех комедиях, которые наиболее богаты содержанием и поэтичностью, отсутствует большею частью строгое единство комедий Мольера. В лучших произведениях французского драматурга средоточие действия составляет или резко вырисованный характер с выдающейся своеобразностью, или какой-нибудь господствующий в обществе порок, недостаток и т. п., которым заражены многие действующие лица. Этот характер, или эти нравы управляют всем действием, и к ним в последней инстанции сводятся все драматические результаты. В значительнейших комедиях Шекспира два или даже три действия художественно сплетены между собою, но таким образом, что драматическая постройка, если рассматривать ее с чисто внешней стороны, часто представляется довольно слабою, и все в ней держится только связующею идею. Главное же дело в том, что здесь средоточие интереса составляет обыкновенно отнюдь не комическое действие, в чем бы ни лежали корни его – в смешных и темных сторонах известного характера, или в той или другой черте нравов; напротив того, – главная основа фабулы имеет почти всегда серьезную, трогательную или даже романтическую окраску, а собственно комические фигуры и положения выступают вперед только в том, что составляет побочную сторону действия.

Наши соображения приводят в конце концов к следующему результату. Если Шекспир, как комический писатель, не нашел себе такого безусловного и повсеместного признания, какое выпало на долю Мольера, то причина этого заключается не в слабости его комического дарования, а скорее – в слишком большом внутреннем богатстве его, благодаря которому у него является для обработки уж чересчур много мотивов и положений, и свое остроумие он разбрасывает слишком уж расточительно и безразборчиво. Причина затем – в каком-то светлом добродушии и первобытной свежести автора, находящего удовольствие и в совершенно простой шутке и не взвешивающего тщательно и серьезно, какой эффект произведет то или другое остроумное слово; причина в том значительном влиянии, которое позволяет Шекспир своей фантазии иметь на его комическое творчество, тогда как Мольер работает преимущественно разумом; главная же причина в том, что цели у Шекспира были в гораздо меньшей степени исключительно комические, чем у французского драматурга. Это обстоятельство находится в связи с различными у того и другого воззрениями на сущность комедии – пункт, на котором считаю нужным остановиться несколько подробнее.

Взгляд на комедию Мольера нашему собственному представлению об этом предмете, а также и пониманию древних, ближе и родственнее, чем воззрение Шекспира. И это последнее в окончательных выводах тоже примыкает к древнему, но имеет своим источником средневековое видоизменение древнего.

Предмет комического изображения составляет смешное, а смешное в «Поэтике» Аристотеля определяется, как род порока, как нечто отвратительное или скверное, с которым однако не соединена никакая душевная боль и которое не производит никакого пагубного действия. Превосходным объяснительным примером приводит философ маску комедии, изображавшую нечто уродливое, карикатурное, не выражая при этом никакой боли.

Но если мы это определение захотим применить к знаменитейшим и лучшим комедиям Мольера, то с удивлением увидим, что к ним оно нисколько не применяется. Возьмем, напр., такой недосягаемый шедевр, как «Школа Женщин». Тут перед нами старый эгоист Арнольф, намеревающийся жениться на молодой девушке и с этою целью воспитавший ее в полном одиночестве, чтобы она оставалась совершенно неопытною и ровно ничего не знающею; но вот он с ужасом открывает, что любовь сумела проникнуть и к его пленнице и именно на этом совсем неразвитом существе доказала свои превосходные преподавательские способности. Постоянно видит он прогрессивный ход этой любви, и однако не в состоянии остановить зло, и тонкоскованные планы его имеют результатом его собственную погибель. Несомненно, что этот Арнольф чудесная комическая фигура, смешная до последней степени. Но разве порочное, уродливое в нем не соединено в душевную болью? Ведь он выносит истинно адские пытки, и хотя они вполне им заслужены, читатель все-таки может сочувственно относиться к нему. А «Мизантроп» – этот благородный, только уж слишком откровенный и ничем не стесняющийся характер, которому кажется, что он ненавидит и презирает мир, но который при этом попадает в сети кокетки, откуда он, наконец, освобождается только ценою глубокой сердечной раны, уходя похоронить себя в полном одиночестве? Разве не истинно печальна судьба этого человека, о которой Гёте говорит, что она производит чисто трагическое впечатление? А скупец Гарпагон с его демоническою страстью, которая в нем самом умерщвляет все божественное, а в сыне его и дочери разрушила всякое чувство детей к отцу – разве можно смотреть на эту страсть, как на непагубную? И наконец, в Тартюфе, этом лицемере, разбивающем счастье целого семейства, и притом того, которое осыпало его своими благодеяниями – разве не пагубны его натура и его манеры действия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.